

1968 Г.: «БУНТ МОЛОДЕЖИ» ИЛИ «МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»?

Р.С. Айриян, В.С. Савчук

Краткое предисловие

В 2018 г. мир отмечал множество юбилейных дат: 100-летие окончания Первой мировой войны, 170 лет со дня т.н. «европейских революций» 1848 г., 80-летие Мюнхенского сговора, 75-летие Сталинградской и Курской битвы и многие другие события, оказавшие поистине значительное влияние на последующее развитие стран и народов. Однако события 1968 г. в Европе и мире, получившие в исторической литературе различные наименования, такие как «бурные шестидесятые», «феномен 1968 года» или даже просто «1968», на наш взгляд остаются «недомысленными», несмотря на большое число работ, посвященных их влиянию на внутренние процессы как на Западе, так и в странах социалистического лагеря [Волокитина, 2010; Волубаев, 2009; Мурашко, 2008; Пономарева, 2011; Шнайден, 2007; Яблоков, 2016]. О значимости этих событий говорит и то, что полувек юбилей вызвал целый ряд публикаций, а «Новая газета», например, посвятила ему серию статей [Ничто, изменившее всё ... , 2018; «Вся власть воображению!» ... , 2018; Развейте пепел Клааса ... , 2018; Скоро осень ... , 2018; Польский март ... , 2018]. События 1968 г. объединяло одно – это было «... неприятие, отрицание и действенная критика сложившихся порядков – будь то ценности Западного капитализма или советского коммунизма» [Апрыщенко, 2018].

Обращаясь к «феномену 1968 года», каждый вспоминает что-то «свое», то, что особенно его поразило: французский «Красный май» или советская «Демонстрация семерых», антисемитская кампания в Польше или антивоенные и антирасистские движения в США, расстрел студентов на Площади трех культур в Мехико («Ночь Тлателолко») или студенческий бунт в бельгийском Лёвене, массовые убийства

Айриян Радмила Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, rsayriyan@sfnu.ru.

Савчук Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, v.s.savchuk@mail.ru.

во Вьетнаме или убийство Мартина Лютера Кинга, «Пражская весна» или поступок Беаты Кларсфельд, давшей пощечину канцлеру ФРГ Курту Кизингеру за его нацистское прошлое. В общей сложности дух 1968 года затронул 56 стран, в том числе Соединенные Штаты и Канаду, 14 стран Латинской Америки, 22 страны Европы, 10 стран Азии и 8 стран Африки [Horn, 2007, p. 183].

Юбилеи дают возможность еще раз подумать и обсудить вопросы, связанные с тем, что Иммануил Валлерстайн назвал «всемирной революцией». В работе «После либерализма», изданной впервые в 1995 г., он связывает между собой три исторических события – европейские революции 1848–1849 гг., называя их «первая всемирная революция», события 1968 г. в мире, названные им «вторая всемирная революция», а также события 1989 г., являющиеся, по его мнению, продолжением 1968 г. и завершением второй всемирной революции [Валлерстайн, 2003, с. 223]. В то же время Эрик Хобсбаум весьма скептически оценивал события 1968 г., называя их достаточно пренебрежительно «вспышкой студенческого радикализма» или «европейской студенческой смутой» [Хобсбаум, 2004, с. 307, 321].

Дискуссия посвящена феномену 1968 г. и его восприятию «тогда и сейчас». В ней наши собеседники делятся своими размышлениями о событиях того знакового года.

Намеренно нами были заданы именно эти вопросы, каждый из которых сам по себе может стать основой для одной или нескольких монографий. Принимая во внимание, что некоторые участники дискуссии являлись современниками этих событий, мы поставили вопрос и об оценке тех событий ими в прошлом. Мы не дадим исчерпывающих ответов на них, да и такая задача перед нами не стояла, но нам хотелось бы еще раз прояснить позицию исследователей относительно характера событий 1968 г., сходства и различия их в сравнении с событиями 1917–1918 и 1980–1990-х гг., его значения для исторической науки и мировой культуры.

И все же, что такое 1968 г. – бунт молодежи или мировая революция?

Ключевые слова: феномен 1968 года, Красный май, Пражская весна, Ночь Тлателолько, убийство Мартина Лютера Кинга, «семеро смелых», бунт молодежи, «всемирная революция» Валлерстайна.

Вопросы дискуссии:

1. Можно ли события 1968 года поставить в один ряд с событиями 1917–1918 гг. и рубежа 1980–1990-х гг.?
2. Почему левый протест не стал выбором между социализмом и капитализмом?
3. Есть ли у Вас или у Ваших близких личные воспоминания о 1968 годе?
4. Чем стал 1968 год для историописания?
5. Каково наследие 1968 года?

Участники:

Борко Юрий Антонович, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН, почетный президент Ассоциации европейских исследований (Россия);

Мирошников Александр Викторович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского государственного университета;

Рохас Карлос Антонио Агирре, доктор философии по экономике, профессор Национального Автономного университета Мексики;

Савельева Ирина Максимовна, д.и.н., профессор, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева НИУ «Высшая школа экономики».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Апрыщенко В.Ю. 1968: неконтролируемый бунт, или О неизбежности перемен. URL: <https://volistob.ru/post/1968-nekontroliruemyy-bunt-ili-o-neizbezhnosti-peremen> (дата обращения – 12 сентября 2018 г.).

Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.

Волобуев В. Пражская весна и эволюция общественных настроений // *Мир перемен*. 2009. № 1. С. 185–189.

Волокитина Т.В. «Пражская весна» в осмыслении болгарских историков (Историографические заметки) // *1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива: Сборник статей*. М.: РОССПЭН, 2010. 808 с.

«Вся власть воображению!» Это один из лозунгов «парижской весны». Почему нам так интересно то, что произошло полвека назад? URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/05/20/76535-vsya-vlast-voobrazheniyu> (дата обращения – 15 сентября 2018 г.).

Мурашко Г.П., Джалилов Т.А. «Пражская весна» и позиция западноевропейских компартий // *Вопросы истории*. 2008. № 11. С. 1–23.

Ничто, изменившее всё. Мировая революция 1968 года в четырех измерениях. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/05/20/76534-nichto-izmenivshee-vsyo> (дата обращения – 15 сентября 2018 г.).

Польский Март. Идеи 1968 года победили 20 лет спустя. Рассказывает Еугениуш Смоляр. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/06/08/76753-polskiy-mart> (дата обращения – 15 сентября 2018 г.).

Пономарева М.А. Общество юга России в контексте идеологического воздействия власти в 1960-е – первой половине 1980-х годов // *Известия высших учебных*

заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: *Общественные науки*. 2011. № 5 (165). С. 31–35.

Развейте пепел Клааса. Бельгийский вариант молодежного бунта: демократический протест с националистическим привкусом. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/05/23/76569-razveyte-pepel-klaasa> (дата обращения – 15 сентября 2018 г.).

Скоро осень, на улицах танки. Полвека назад, 21 августа 1968 года, войска стран Варшавского договора вторглись в Чехословакию. Как отреагировали на вторжение тогда и как реагируют сейчас URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/08/19/77547-skoro-osen-na-ulitsah-tanki> (дата обращения – 15 сентября 2018 г.).

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век: 1914–1991. М.: Издательство Независимой Газеты, 2004. С. 307, 321.

Шнайден Й.Й. Изменения идеологических подходов работы с туристами из соцстран в связи с событиями Пражской весны 1968 г. // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2007. № 2. С. 4–9.

Яблоков Б.В. Влияние чехословацких событий 1968 г. на экономические реформы в ГДР // *Клио*. 2016. № 7 (115). С. 117–123.

Horn G.-R. *The Spirit of '68. Rebellion in Western Europe and North America, 1956–1976*. New York: Oxford University Press, 2007. 254 p.

1968: “YOUTH REVOLT” OR “WORLD REVOLUTION”?

R.S. Ayriyan, V.S. Savchuk

Short Introduction

In 2018, the world celebrated many anniversaries: The 100th anniversary of the end of the First World War, the 170th anniversary of the 1848 “European revolutions”, the 80th anniversary of the Munich betrayal, the 75th anniversary of the Battle of Stalingrad and the Battle of Kursk, and many other events that have had a truly significant impact on the subsequent development of countries and peoples. However the events of 1968 in Europe and the world, which have received various names in historical literature, such as “turbulent sixties”, “the phenomenon of 1968” or even simply “1968”, in our opinion, remain “thoughtless”, despite a large number of works devoted to their impact on domestic processes as in the West as in the countries of the socialist world [Volokitina, 2010; Volubaev, 2009; Murashko, 2008; Ponomareva, 2011; Schneidgen, 2007; Yablokov, 2016]. The significance of these events is also demonstrated by the fact that the half-century anniversary was the subject of a number of publications, and, for example, Novaya Gazeta devoted a series of articles to it [Nothing that changed everything ... , 2018; “All the power is imagined!” ... , 2018; Spread the ashes of Klaas ... , 2018; Soon autumn ... , 2018; Polish March ... , 2018]. The events of 1968 united one thing, it was “... rejection, denial and effective critique of the established order – whether it be the values of Western capitalism or Soviet communism” [Apryshchenko, 2018].

Turning to the “phenomenon of 1968”, everyone remembers something “their own”, something that particularly struck them – the French Red May or the Soviet Seven Demonstrations, the anti-Semitic campaign in Poland or anti-war and anti-racist movements in the United States, the shooting of students in the Square of the Three Cultures (Tlatelolco Night) or a student revolt in Leuven, Belgium, massacres in Vietnam or the murder of Martin Luther King, Prague Spring or the act of Beate Klarsfeld slapping German Chancellor Kurt Kiesinger for his Nazi past. A total of 56 countries were affected by the spirit of 1968, including the United States and Canada, 14 countries in Latin America, 22 countries in Europe, 10 countries in Asia and 8 countries in Africa [Horn, 2007, p. 183].

Ayriyan Radmila S., Candidate of Science (History), Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, rsayriyan@sfnu.ru.

Savchuk Vyacheslav S., Candidate of Science (History), Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, v.s.savchuk@mail.ru.

The anniversaries provide an opportunity to reflect again and discuss what Immanuel Wallerstein called a “world revolution”. In “After Liberalism”, published for the first time in 1995, he connects three historical events – the European revolutions of 1848–1849, calling them “the first world revolution”, the events of 1968 in the world, called by him “the second world revolution”, as well as the events of 1989, which, in his opinion, are a continuation of 1968 and the end of the second world revolution [Wallerstein, 2003, p. 223]. At the same time, Eric Hobsbawm was very skeptical about the events of 1968, calling them rather scornfully “an outbreak of student radicalism” or “European student unrest” [Hobsbawm, 2004, p. 307, 321].

The discussion is devoted to the phenomenon of 1968 and its perception “then and now”. In it our interlocutors share their reflections on the events of that symbolic year.

We intentionally asked these very questions, each of which can become the basis for one or more monographs. Taking into account that some of the participants of the discussion were contemporaries of these events, we asked a question about their assessment of those events in the past. We will not give exhaustive answers to them, and we did not face such a task, but we would like to clarify once again the position of researchers regarding the nature of the events of 1968, their similarities and differences in comparison with the events of 1917–1918 and 1980–1990s, its significance for historical science and world culture.

Yet what is 1968 – a youth revolt or a world revolution?

Keywords: phenomenon of 1968, Red May, Prague Spring, Tlatelolco Night, the murder of Martin Luther King, the “seven brave”, youth riot, Wallerstein’s “world revolution”.

Questions for Discussion are following:

1. Could the events of 1968 be put on a par with the events of 1917–1918 and 1980–1990s?
2. Why the left-wing protest didn’t become a choice between socialism and capitalism?
3. Do you or your families have any personal memories of 1968?
4. What was the 1968 for historiography?
5. What are the consequences of 1968 for sociality today?

Disputants:

Borko Yuri A., Doctor of Science (Economy), professor, Institute of Europe RAS, Honorary President of the Association for European Studies (Russia);

Miroshnikov Alexander V., Doctor of Science (History), Professor, Chair of the Department of Foreign Countries’ History and Oriental Studies, Voronezh State University;

Rojas Carlos Antonio Aguirre, PhD in Economic, professor of the National Autonomous University of Mexico;

Savelieva Irina M., Doctor of Science (History), Professor, Director of the A. Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI), National Research University Higher School of Economics.

REFERENCES:

- Apryshchenko V.Y. 1968: *nekontroliruyemyy bunt, ili O neizbezhnosti peremen* [1968: uncontrolled rebellion, or the inevitability of change]. Available at: <https://volistob.ru/post/1968-nekontroliruyemyy-bunt-ili-o-neizbezhnosti-peremen> (accessed 12 September 2018).
- Hobsbawm E. *Epokha kraynostey. Korotkiy dvadtsatyy vek: 1914–1991* [The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991]. M.: Izdatel'stvo Nezavisimoy Gazety, 2004. Pp. 307, 321 (in Russian).
- Horn G.-R. *The Spirit of '68. Rebellion in Western Europe and North America, 1956–1976*. New York: Oxford University Press, 2007. 254 p.
- Murashko G.P., Dzhaliyov T.A. "Prazhskaya vesna" i pozitsiya zapadnoyevropeyskikh kompartiy ["Prague Spring" and the position of the Western European Communist Parties], in *Voprosy istorii*. 2008. № 11. Pp. 1–23.
- Nichto, izmenivsheye vso. Mirovaya revolyutsiya 1968 goda v chetyrekh izmereniyakh* [Nothing that changed everything. The 1968 world revolution in four dimensions] Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/05/20/76534-nichto-izmenivshee-vsyo> (accessed 15 September 2018).
- Pol'skiy Mart. Idei 1968 goda pobedili 20 let spustya. Rasskazyvayet Yeugeniush Smolyar* [Polish March. The ideas of 1968 won 20 years later. Eugeniusz Smolar reports]. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/06/08/76753-polskiy-mart> (accessed 15 September 2018).
- Ponomareva M.A. *Obshchestvo yuga Rossii v kontekste ideologicheskogo vozdeystviya vlasti v 1960-ye – pervoy polovine 1980-kh godov* [Society of the South of Russia in the context of the ideological impact of power in the 1960s – the first half of the 1980s], in *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennyye nauki*. 2011. № 5 (165). Pp. 31–35 (in Russian).
- Razveyte pepel Klaasa. Bel'giyskiy variant molodezhnogo bunta: demokraticheskiy protest s natsionalisticheskim privkusom* [Spread Klaas' ashes. The Belgian version of the youth revolt: a democratic protest with a nationalist flavour]. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/05/23/76569-razveyte-pepel-klaasa> (accessed 15 September 2018).
- Shnaydgen Y.Y. *Izmeneniya ideologicheskikh podkhodov raboty s turistami iz sotsstran v svyazi s sobyitiyami Prazhskoy vesny 1968 g.* [Changes in ideological approaches

to working with tourists from socialist countries in connection with the events of Prague Spring 1968], in *Sovremennyye problemy servisa i turizma*. 2007. № 2. Pp. 4–9 (in Russian).

Skoro osen', na ulitsakh tanki. Polveka nazad, 21 avgusta 1968 goda, voyska stran Varshavskogo dogovora vtorglis' v Chekhoslovakiyu. Kak otreagirovali na vtorzheniye togda i kak reagiruyut seychas [Soon autumn, there are tanks in the streets. Half a century ago, on August 21, 1968, the troops of the Warsaw Pact invaded Czechoslovakia. How did you react to the invasion then and how do you react now]. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/08/19/77547-skoro-osen-na-ulitsah-tanki> (accessed 15 September 2018).

Volobuyev V. Prazhskaya vesna i evolyutsiya obshchestvennykh nastroyeniy [Prague Spring and the evolution of public sentiment], in *Mir peremen*. 2009. № 1. Pp. 185–189 (in Russian).

Volokitina T.V. "Prazhskaya vesna" v osmyslenii bolgarskikh istorikov (Istoriograficheskiye zametki) ["Prague Spring" in the interpretation of Bulgarian historians (Historiographical notes)], in *1968 god. «Prazhskaya vesna». Istoricheskaya retrospektiva: Sbornik statey*. M.: ROSSPEN, 2010. 808 p. (in Russian).

"Vsya vlast' voobrazheniyu!" Eto odin iz lozungov "parizhskoy vesny". Pochemu nam tak interesno to, chto proizoshlo polveka nazad? ["All power to imagination!" This is one of the slogans of the "Paris Spring". Why are we so interested in what happened half a century ago?] Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/05/20/76535-vsya-vlast-voobrazheniyu> (accessed 15 September 2018).

Wallerstein I. *Posle liberalizma* [After Liberalism]. M.: Yeditorial URSS, 2003. 256 p. (in Russian).

Yablokov B.V. Vliyaniye chekhoslovatskikh sobytiiy 1968 g. na ekonomicheskiye reformy v GDR [Impact of the Czechoslovak events of 1968 on economic reforms in the GDR], in *Klio*. 2016. № 7 (115). Pp. 117–123 (in Russian).

Европа-1968: Прага, Париж

Ю.А. Борко

1. Можно ли события 1968 года поставить в один ряд с событиями 1917–1918 гг. и рубежа 1980–1990-х гг.?

Нет, нельзя. Они относятся к разным сферам жизни человека и человечества. 1917–1918 и 1989–1991 гг. – это даты смены эпох мировой истории. В 1917 г. в России впервые была предпринята попытка превратить в реальность великую коммунистическую утопию. Реальность, однако, оказалось иной: мир раскололся на две враждующие общественные системы – капитализм и социализм, две непримиримые идеологии – либерализм и коммунизм. Они противостояли друг другу в течение 74 лет, а в итоге социализм как общественная система рухнул, дискредитировав породившую его идеологию. В 1989–1991 гг. началась новая историческая эпоха. В мире осталась только капиталистическая система, но он не стал от этого единым. Напротив, он разоблен, раздираем противоречиями и конфликтами. Как долго продлится новая эпоха и чем она завершится – нам не дано предугадать.

Борко Юрий Антонович, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН, почетный президент Ассоциации европейских исследований (Россия), 125009, Москва, ул. Моховая, 11, yborko@mail.ru.

Borko Yuri A., Doctor of Science (Economy), Professor, Honorary President of the Association for European Studies (Russia), Institute of Europe RAS, 11, Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia, yborko@mail.ru.

Что касается событий 1968 года, то в плане общественно-политических перемен они привели во Франции к уходу Де Голля с поста президента, а в Чехословакии — к поражению реформаторов, решивших построить в стране «социализм с человеческим лицом». Однако никаких перемен глобального масштаба не произошло. Бунт парижской, в основном студенческой, молодежи был частью беспрецедентной 33-дневной общенациональной забастовки, вызванной социально-экономическими причинами. Вместе с тем молодежь выступила со своими специфическими лозунгами. С одной стороны, это был последний всплеск левацкого радикализма в послевоенной Западной Европе с такими его кумирами, как Мао и Че Гевара. Он быстро пошел на спад. С другой стороны, это было первое открытое выступление молодежи под лозунгом свободы сексуальных отношений, вызвавшее громкий резонанс не только в Европе, но и во всем мире. Это был переворот. Сфера отношений между женщиной и мужчиной, туго запеленутая в предписания официальной морали, стала предметом публичного обсуждения и полем борьбы за право каждого человека на выбор своей сексуальной ориентации. Дискуссии и уличные баталии в этой области продолжают по сей день и продлятся еще долго.

2. Почему левый протест не стал выбором между социализмом и капитализмом?

Как уже было отмечено, левый протест оказался кратковременным. Ему нечем было подтвердить свои лозунги. Че Гевара в своей попытке перенести опыт кубинской революции в Латинскую Америку потерпел поражение и погиб. Провозглашенная в Китае «культурная революция» вылилась в масштабные репрессии и нанесла стране огромный ущерб, а после смерти Мао лидером страны стал Дэн Сяопин, выбросивший на помойку левацкие лозунги и вставший на путь реформ. Что же касается советского социализма, то в глазах леваков он давно стал образцом ревизионистского пересмотра истинного марксизма-ленинизма.

3. Есть ли у Вас или у Ваших близких личные воспоминания о 1968 году?

У меня остались воспоминания, но не о парижских, а пражских событиях в августе 1968 года. Я с пристальным вниманием следил за деятельностью чехословацких реформаторов во главе с Александром Дубчеком. Мое критическое отношение к социализму советского образца сложилось в 1953–1956 гг. и с годами все более укреплялось. Я желал им успеха, и мне хотелось надеяться на то, что в нашей стране, может быть, тоже произойдут перемены во внутренней политике и будут проведены реформы с ориентацией на «социализм с человеческим лицом». Меня тревожила растущая враждебность советского руководства к «Пражской весне» и все более тревожные сообщения в западных СМИ (я работал тогда в ИМЭМО и имел доступ к ним) о возможной интервенции советских войск в Чехословакию. В начале августа в Москву прибыл один из членов «команды Дубчека», чтобы еще раз попытаться найти компромисс с Кремлем.

Вместе с ним в качестве советника прибыл мой однокурсник по Истфаку МГУ Михал (Миша) Рейман. Он по окончании учебы вернулся в Прагу

и специализировался в изучении новейшей истории своей страны и истории СССР. Часто приезжал в Москву, и наша дружба продолжалась (кстати, продолжается по сей день!). Днем он был занят, и мы встретились ночью. Мы — это он, я и четверо наших московских друзей-однокурсников. Миша сказал, что переговоры были безрезультатными, и теперь остается ждать, решится ли Кремлевское руководство на интервенцию. Утром он улетел, и мы встретились только через 19 лет. А 21 августа по радио и позже в газетах было обнародовано заявление ТАСС, в котором говорилось, что партийные и государственные деятели ЧССР обратились к Советскому Союзу и другим союзным государствам с просьбой об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженным силам, в связи с возможностью контрреволюционного переворота в стране и угрозой европейскому миру. Идя навстречу призыву, советские и союзные с ними войска Венгрии, ГДР, Польши и Болгарии вступили в Чехословакию.

Это решение предопределило дальнейший путь развития внутренней и внешней политики Советского Союза. Правда, вначале Москва, продолжив вместе с Парижем и Бонном подготовку Общеввропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, встала на путь *Разрядки*, но после подписания Хельсинкского акта, предусматривавшего, среди прочего, признание ГДР, советское руководство вернулось на путь конфронтации и гонки вооружений, а в 1979 г. затеяло афганскую авантюру. Итогом стал глубокий экономический кризис в стране, крах советского «развитого социализма» и распад СССР. Что касается меня, то я 21 августа похоронил последние остатки надежды на экономические и политические реформы в стране и пришел к выводу, что советская политическая система окостенела и реконструкции не поддается. Печальная перспектива на оставшуюся жизнь — наблюдать, как ржавеет и ветшает советский «развитой социализм». Тогда же я принял очень важное решение — сменить место работы и мою научную специализацию. В декабре 1969 г. я защитил диссертацию по социально-экономической проблематике ЕЭС и стал кандидатом экономических наук, а в январе 1970 г. ушел из слишком политизированного журнала «Мировая экономика и международные отношения» в только что созданный Институт научной информации по общественным наукам АН СССР. Создание первой научно-информационной системы в области общественных наук было делом интересным, полезным и, как оказалось, возможным даже в те советские времена.

4. Чем стал 1968 год для историописания?

Без ответа.

5. Каково наследие 1968 года?

Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Дело в том, что влияние событий 1968 года было потом перекрыто гораздо более масштабными, можно сказать, эпохальными событиями на рубеже 1980-х и 1990-х гг., да и глобальными процессами в нынешнем веке. Но все же события того года дали сильный импульс развитию

политической и научно-обществоведческой мысли, прежде всего в Западной Европе, а также в США, Восточной Европе, да и в Советском Союзе, хотя далеко не все размышления и выводы, к которым приходили независимо мыслящие российские ученые, можно было высказать публично. Тем не менее, новые взгляды, идеи и концепции удавалось, исподволь и постепенно, продвигать, сначала устно, на конференциях и симпозиумах, а потом и в научных журналах, в монографиях.

1968. Чем важен и что о нем помним?

А.В. Мирошников

Полвека назад прошли события, которые заставили европейское общество уяснить, что не так все спокойно на континенте, что относительно стабильное состояние в разных странах далеко не прочно, но главное, что потрясения, охватившие Францию и Чехословакию, по своим проявлениям не ограничиваются их государственными границами.

Парижские волнения и «пражская весна» 1968 года выявили новые тенденции в истории. Справедливости ради следует напомнить, что и до этого времени Европа и мир уже переживали пиковые события, демонстрировавшие отнюдь не идиллическую картину послевоенных десятилетий. Берлинский кризис, Венгрия 1956 года, полет Пауэрса и Карибский кризис...

Но тем не менее, 50 лет назад многое было в новинку. И многое проявилось как-то стихийно и неожиданно, хотя, разумеется, истоки парижского и пражского кризисов вызрели раньше.

В истории поиски параллелей и аналогий всегда интересны, но вариации в этом направлении весьма субъективны, зависят от многих обстоятельств, в результате чего реинтерпретация прошлого дает в итоге многовекторные результаты.

1. Можно ли события 1968 года поставить в один ряд с событиями 1917–1918 гг. и рубежа 1980–1990-х гг.?

Думаю, нет. Дело не только в том, что Революция в России и распад Советского Союза привели к результату, а попытки «модернизации» в 1968 году оказались безуспешными.

Важнее, полагаю, это различие в определении целей движения. Октябрьская революция изначально ставила конкретику построения социализма, ликвидация его же и возврат к капитализму было сверхзадачей при ликвидации СССР.

Мирошников Александр Викторович, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского государственного университета, 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1, av_miroshnikov@mail.ru.

Miroshnikov Alexander V., Doctor of Science, Professor, Chair of the Department of Foreign Countries' History and Oriental Studies, Voronezh State University, 1, Universitetskaya Ploshchad, Voronezh, 394018, Russia, av_miroshnikov@mail.ru.

К чему стремились бунтари в Сорбонне? Что хотели реформаторы в Компартии Чехословакии? В обоих случаях мы видим протестное движение, но идеология изменений, «построения» кардинально нового отсутствовала. Оставим в стороне анализ объективных условий для появления таких протестов, ограничимся констатацией размытости концепции будущего что в Праге, что в Париже.

Внешняя же атрибутика явлений во многом похожа, если не брать во внимание «смерть» Советского Союза в атмосфере общественной апатии и безразличия.

Что касается исторических параллелей событий 1968 года и рубежа 1980–90-х гг., думаю, что некое общее видится в системном кризисе идеологий. И чехословацкие события, и волнения в Париже весной 1968 года, и отсутствие у советского руководства иных рычагов воздействия на Прагу, все говорило о том, что идея социализма в ее политическом, экономическом и социальном содержании законсервировалась и не развивается, не учитывает новые веления времени. Но и сторонники «социализма с человеческим лицом» не выработали действенной модели реформирования. Да и так ли уж они стремились сохранить социализм?

Париж как раз проиллюстрировал протест молодого поколения против идеологии консьюмеризма, инстинктивно ощущая грядущее его господство. Это означало и коррозия либеральной доктрины в ее экономической и моральной ипостаси. Любые протесты в социальной или экономической сфере неминуемо направлены против власти.

2. Почему левый протест не стал выбором между социализмом и капитализмом?

Мне представляется, что к тому времени жесткого противопоставления социализма и капитализма во всех их ипостасях, по меньшей мере в идеологемах, уже не было. Границы между двумя формациями сходили на нет или так казалось идеологам протестов. Теория конвергенции уже носилась в воздухе, что в значительной степени будет вскоре выражено в доктрине и практике еврокоммунизма.

Что касается парижских протестантов, то зададимся вопросом, какой социализм они могли себе представлять? Ориентироваться на советскую модель они вряд ли были в состоянии по причине незнаний о ней, равно как и из-за антисоветизма западной пропаганды.

Это была молодежь, отнюдь уже не «потерянное поколение» послевоенной поры, а самодостаточное, воспитанное на новых ценностях, пропитанное субкультурой хиппи, наркотиками, сексуальной революции, музыкой новых кумиров, битниками, формированием таких движений как рокеры, ангелы и т.д.

Эти люди были скованны рамками политической системы тогдашнего западного общества, условностями буржуазной морали, поэтому их задачей было выстроить новую систему, содержание которой было весьма эклектично.

Не думаю, что при всем стремлении к «коммунальной системе» парижские студенты были адептами отмены частной собственности.

Чехословацкие же коммунисты действовали строго в парадигме фантазий косметического ремонта социализма. Вначале «застенчивое» несогласие с политикой КПСС, потом более резкий отход от догматики марксизма-ленинизма, но вопрос о реставрации капитализма не транслировался публично. Хотя линия на это явно присутствовала.

В развале СССР среди прочих причин называют нередко «предательство элит», высшего руководства КПСС.

Во всяком случае, событийная канва их действий этому не противоречит. Но мне кажется, не меньшую роль сыграла приспособленческая позиция тех людей, которые занимались пропагандой идеологии марксизма-ленинизма, сами в нее не веря.

Дабы не быть голословным, приведу пример из своей жизни. Не буду называть имени доцента, который вел у нас философию на третьем курсе, покойного ныне.

Помню, как он разнес в пух и прах мой доклад на семинаре по теме «Искусственный интеллект». Я, прочитав отличную книгу Станислава Лема «Сумма технологии», вышедшую у нас в 1968 году, мы еще в школе ее обсуждали. Рассказал на семинаре, что создание искусственного интеллекта вполне вероятно и возможно. Доцент чуть ли не обвинил меня в подрыве философских основ марксизма. Лем для него был какой-то проходной фигурой.

Спустя много лет, когда я уже работал на кафедре истории нового и новейшего времени ВГУ доцентом мы часто встречались с этим преподавателем и беседовали на темы перестройки, реформ, которые проводились в стране. И тогда он заявлял о страшно удушливой атмосфере, по его словам, царившей в СССР, и благополучно сгнувшейся навсегда. Он сослался на то, что в душе восставал против ввода наших войск в Чехословакию в 1968 году.

Однако мой вопрос, что же помешало ему и таким «диссидентам» повторить акцию протеста на Красной площади в том году, я не просто не получил ответа, но вызвал ярость у него.

Неудивительно, что самыми рьяными антикоммунистами и антисоветчиками стали историки КПСС и специалисты по научному коммунизму. Они вдруг «прозрели» и мгновенно стали апологетами либерализма.

Причем, многие из них были не просто членами партии, но и секретарями партбюро факультета и университета.

Все же, при поисках аналогий событиям 1968 года у нас и на Западе я вижу их, как ни странно, в буржуазно-демократических революциях 1848–49 гг. И тогда, и в 1968 году стоял вопрос о демократизации власти, не посягая на социально-экономическую основу. СССР защищал социализм, увы, не имея внятной программы реформ, на Западе бунтующие молодые парижане также не отрицали капитализм, как основу, но желая его модернизации.

3. Есть ли у Вас или у Ваших близких личные воспоминания о 1968 году?

Безусловно, 1968 год оставил свой отпечаток в памяти. Прекрасно помню то лето, в нем одновременно соединились два события, разные по содержанию, но оба для меня весьма памятные. В том году закончил школу № 1 им. А.В. Кольцова в Воронеже и подал документы на исторический факультет Воронежского госуниверситета. Разумеется, мы летом 2018 г. отметили с одноклассниками юбилей окончания школы и уже с однокурсниками ту же дату, но уже поступления на истфак.

Как-то совершенно органично сложилось так, что ни с теми, ни с другими добрые и тесные связи абсолютно не прервались за эти десятилетия и мы по-прежнему дружны и встречаемся регулярно. Несмотря на то, что многие однокурсники и одноклассники разъехались по разным городам и даже по разным странам. Но в нужное время на встречи всегда собираемся. Не знаю, уникально ли такое единение, но для нас оно вполне естественно и является частью нашей жизни.

В те далекие годы, к счастью, не было изобретения под названием ЕГЭ и прием на гуманитарные факультеты, впрочем, как и на другие шел в стандарте устного экзамена, исключая, разумеется, сочинения. Экзамены тогда начинались в августе. На истфак нужно было сдавать историю СССР, сочинение, устные русский и литературу, иностранный язык. Итого четыре испытания.

И в августе начали поступать весьма тревожные сообщения из Чехословакии. Несколько неожиданными они оказались для многих моих знакомых, для меня тоже.

В нашей школе активно действовал кружок интернациональной дружбы «Глобус», благодаря которому многие из нас поддерживали переписку с зарубежными сверстниками.

Поскольку в школе уже с 1959 года английский язык преподавали со 2 класса, среди наших корреспондентов были ребята из капиталистических стран, а уж с чехословацкими ровесниками связи были очень прочными. Вообще, когда читаешь про «железный занавес» или жесткую цензуру в Советские времена, вспоминаю школьные годы и чувствую, будто жил в другой стране.

К примеру, на уроках английского языка, а преподавалось нам целых 4 предмета по английскому, вовсе звучали песни Битлз и никому они не казались крамольной. Или помню, как в 1967 г. в школе прошел вечер, посвященный творчеству В.С. Высоцкого. Владимир Семенович становился всенародно популярным, а его песни, записанные на магнитных кассетах, были у нас на слуху.

Чехословацкая Социалистическая Республика (ЧССР) считалась вполне надежным нашим союзником, да что там говорить, братской страной. И вдруг антисоветские и антирусские настроения, информация об этих событиях публиковалась в нашей печати и шла по телевидению.

Безусловное, что в те времена информация не была полной и наверняка подвергалась цензуре, но большим плюсом СМИ советского периода была «хронологическая» подача материалов. Во всяком случае, по публикациям в прессе и по телевидению можно было увидеть динамику развития тех или иных событий.

Вот в такой тревожной обстановке мы и поступали в университет.

Из нашего класса трое ребят поступили в Военный Институт Иностранных Языков, двое стали арабистами, а один как раз попал на чешское направление. Помню, что они приехали на первые зимние каникулы в 1969 году и поразили нас тем, что довольно бойко изъяснялись и по-арабски, и по-чешски. Горделиво сообщали, что после 2-го курса их посылают в длительную стажировку за рубеж.

Слава, курсант, который приехал после такой поездки из Чехословакии, рассказывал, что в провинции отношение к советским войскам было либо нейтральным, либо доброжелательным, чего нельзя было сказать про Прагу. Но в целом, он отмечал нормальную обстановку.

Мы же тут, в Воронеже, следили внимательно за событиями в ЧССР. Насколько я помню, никто из моего окружения не высказывал недовольства по поводу ввода войск Варшавского договора в Чехословакию.

Дело не в пропаганде, мы понимали, а я убежден до сих пор, что это был единственно возможный способ избежать краха социализма в этой стране. Очевидно, что вопрос стоял однозначно и просто, либо ЧССР выходит из социалистического лагеря и Советский Союз получает нового противника с развитой экономикой, военным потенциалом, либо фронду необходимо было аннигилировать.

В конечном итоге, это была не только чехословацкая проблема, это был вопрос важный для нашей страны.

Постепенно чехословацкий кризис завершился. Но отзвуки его долго еще давали о себе знать, особенно в демонстрационном формате. К примеру, выдающийся чешский хоккеист Яромир Ягр, играл в фуфайке под номером «68», несмотря на то, что выступал и за российские клубы.

4. Чем стал 1968 год для историописания?

Безусловно, тот год и его политическое, эмоциональное наполнение весьма важно для понимания процессов, свойственных XX веку.

К сожалению, современное студенчество слабо представляет себе те события, да и в учебной литературе они представлены вскользь.

С одной стороны, это понятно, ибо накатившие волны последующих потрясений затмевают Париж и Прагу 1968 года. Таковы особенности исторической памяти общества.

С другой, ни во Франции, ни в Чехословакии не произошло кардинальных изменений, поэтому нередки ссылки на то, что «пражская весна» была лишь одной из иллюстраций «холодной войны». Она и была таковой, но не только ей. А Париж... некий симбиоз мировоззрений нового поколения.

Невнимание к тем явлениям полувековой давности не просто обедняют картину прошлого столетия, оно упускает из виду важные выводы, которые неплохо бы помнить.

5. Каково наследие 1968 года?

На мой взгляд, 1968 год в очередной раз показал, что не существует вечных идеологий, застывших в своей первозданной форме. Ни марксистско-ленинская доктрина, ни на йоту не приспособленная к новым реалиям по причине косности идеологов КПСС, ни упорное следование моделям капиталистического общества тем моделям, которые представляли себе адепты политического и социального строя на Западе и за которые держались, все это показало, что политики не сумели (не пожелали?) чувствовать потребность общества.

Но не менее актуален и другой вопрос. Представляли ли идеологи социализма в ЦК партии и их «коллеги» из буржуазного лагеря главное – что является фундаментальной основой этих учений, а что можно и нужно реформировать? Пожалуй, примеры 1968 года такой идеологической гибкости не дали. А стало быть, проблемы того года были не решены и были вброшены на плечи новых поколений.

1968 as Cultural Revolution

Carlos Antonio Aguirre Rojas

1. Could the events of 1968 be put on a par with the events of 1917–1918 and 1980–1990s?

No. I think that we do not mix all this events, even if this events have some similarities. 1917 is a great SOCIAL revolution, happening in Russia, but with a universal meaning. 1968 is a CULTURAL revolution, happening in a really world scale, and with a universal meaning too. And 1989 is not a revolution, but the end of the failing process to construct a socialist society only in one or in some countries.

2. Why the left-wing protest didn't become a choice between socialism and capitalism?

It depends on what you mean by socialism. Because if socialism is the 'real socialism' of 20th century, this is a process that come to its end in 1989. However, if socialism is a new society, based on freedom, justice, democracy, and an egalitarian, and non-hierarchical society, I think that the left protest all over the world today put the choice between capitalism and this kind of socialism...

If you see the main demands of the antisystemic movements in Latin America (the neozapatismo in Mexico, the radical piqueteros in Argentina, the mapuche movement in Chile, the Pachakutik movement in Bolivia, etc.) or the main demands of the rebellions of 2011 in Spain, Greece, United States, England, etc., they are fighting for this kind of 'socialism', in my view...

3. Do you or your families have any personal memories of 1968?

I have only 13 years old in 1968. Then I have not relevant memories of this year, with the tragedy of Tlatelolco massacre in the 2th October 1968.

Карлос Антонио Агирре Рохас, доктор философии по экономике, профессор Национального Автономного университета Мексики, Ciudad Universitaria, Mexico City, 04510, Mexico.

Carlos Antonio Aguirre Rojas, PhD in Economic, Professor of the National Autonomous University of Mexico, Ciudad Universitaria, Mexico City, 04510, Mexico.

4. What was the 1968 for historiography?

In the first place, viewing the 1968 rupture in *general* terms in Latin America, it represents passing from a situation where positivistic and erudite historiography in the style of the 19th century, was still either *totally or partially dominant* –depending upon the different national historiographic ambits – , towards a new situation where the dominant global stroke is to be one of an *open and each time more multifaceted competition* among multiple historic visions and interpretations.

It is clear that even up until the sixties, the main Schools and Faculties of History and the main Institutions where historic knowledge was generated and distributed in Latin America were dominated by the ancient and anachronistic conception that history is made up with texts and *only* with texts and that the historian's objective is to 'narrate things exactly as they occurred' within a traditional and positivistic perspective, that in regard to the intellectual level, reflected the actual situation of the *belated* Latin American process of the organization and rescue of the archives and documents, and also of the equally recent 'professionalization' process and establishment of this specific discipline of history. With this, the monopoly or quasimonopoly that this old-fashioned vision exerted by history upon the group of the Latin American semicontinent, was the dominant stroke of historic studies in that period.

In the second place, the 1968 revolution is to represent for the Latin American nations, and in what has to do with their respective historiographies, the irruption and broad dissemination of two matrixes of social and historiographic thought that are, in the first place, Marxism, and in second place, the famous school of historians, known under the misleading name of 'School of the Annales'.

If it is true that the 'irruption of diversity', which characterizes the 1968 movements and consequences all over the world, becomes evident in Latin American historical studies as does the irruption of the multiple new social and economic histories elaborated in the 20th century, it is equally clear that within this group of new histories, there are two that shall be outstanding as most accepted and disseminated and even as the most promoted, vindicated and cultivated during the last fifty years, namely the multiple 'Marxisms', and those of the diverse generations and perspectives derived from the Annales.

In the third place, 1968 has also represented the generalization of a subject matter, which very possibly, constitutes the most important contribution of Latin American historiography to contemporary historical studies. Although Latin American historiography has abandoned, slowly but firmly, the ancient and anachronic positivist and erudite history, and that it has taken in and acclimated to all of the new historiographies produced in the 20th century and especially the Marxists and the Annalists, this Latin American historiography has been constructing and displaying a very rich and vigorous *regional history*.

This regional historiography of the last fifty years has reflected the fact that in spite of its strength and vast dissemination, it has *not* yet created the general theoretizations and

the universal models that, in the theoretic and methodological levels, would condense the general lessons that could derive from that abundant amount of empirical studies.

This movement is to gain access to the generalization level and to the construction of a global historiographic perspective that could be constituted as a specifically Latin American contribution to the current world historiographic debate. It is to be an original contribution of our Latin America to the development of contemporary historiography, which is today, in my opinion, the most important challenge and at the same time the most urgent task for this same regional Latin American history following the great 1968 revolution.

5. What are the consequences of 1968 for sociality today?

I think that they are very important, because 1968 was specifically a cultural revolution. Then, all the cultures in contemporary societies change radically. Now, in a contradictory way, we have more spaces and tendencies of a more democratic culture, and a major equality in the relationship between sexes, and a more critical culture in general, and many behaviors and attitudes more liberal, and democratic, and critic than in the past. And it is because this radical changes were provoked by 1968, that now we are living a profound crisis of the school and pedagogy, and of the family, and in the moral values, and so on, because of the contradiction between the old and surpassed culture, and the new culture, still in process of construction.

За общество с человеческим лицом

И.М. Савельева

1. Можно ли события 1968 года поставить в один ряд с событиями 1917–1918 гг. и рубежа 1980–1990-х гг.?

Сегодня определенно думаю, что нельзя, но в 1968 г. казалось, что во Франции (не в США) действительно началась революция, причем такая, которая не соответствовала представлениям о традиционном разделении на классы, на правых и левых, о кризисе государственной власти («верхи не могут»..., нет, вполне могли). Правда, все через несколько месяцев закончилось, но шлейф для размышлений остался надолго. Во-первых, события 1968 стали индикатором необратимых структурных изменений в буржуазном обществе, во-вторых они связали новые левые, неомарксистские и прочие до тех пор отвлеченные, хотя и популярные, идеи, с реальностью. Собственно в 2018 г. именно эти мотивы доминировали и в историографических обзорах, и в политических дискуссиях разного уровня.

2. Почему левый протест не стал выбором между социализмом и капитализмом?

Это вообще был не типичный для модели революции протест. В нем сложилась другая констелляция противостоящих сил, очень силен был импульс к дезаттизации, не было соответствующей времени модели социализма (разве что у ОСП во Франции), был снят вопрос о собственности. В движениях 1968 г. соединились все основные накопленные к этому времени антисистемные силы и идеи: движение за гражданские права, экологические движения, протесты представителей альтернативной культуры (хиппи и другие), студенческое движение за демократизацию образования и университетской жизни, сексуальная революция. Это был новый этап в эволюции антибуржуазной политической и культурной традиции, поиски ответов за пределами старых идеологий. Не стоит забывать и о том, что до событий в капиталистическом мире началась «Пражская весна» (она началась в январе) и студенческие волнения в Польше. И применительно к ним тоже неверно было бы ставить вопрос о выборе между социализмом и капитализмом. Я бы объединила все эти движения лозунгом «За общество с человеческим лицом».

Савельева Ирина Максимовна, д.и.н., профессор, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Поletaeva НИУ «Высшая школа экономики», 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.

Savelieva Irina M., Doctor of Science, Professor, Director of the A. Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI), National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russia.

3. Есть ли у Вас или у Ваших близких личные воспоминания о 1968 году?

Мои эмоционально окрашенные воспоминания совершенно точно о Пражской весне, а не о западном или американском 1968 г. Но когда в 1970 г. я поступила в аспирантуру в Институт международного рабочего движения, там буквально жили событиями 1968 г. на Западе, переосмысливали устойчивые марксистские представления о революции, классах, классовом образовании, роли интеллектуалов и среднего класса. Грамши стал идейным ориентиром, имена Маркузе и Альтюссера звучали постоянно. Конечно, я все это сразу прочитала. Кстати, моя докторская диссертация и книга «Альтернативный мир: модели и идеалы» (М.: Наука, 1990) во многом были посвящены развитию идей 1968 г. в два последующих десятилетия.

4. Чем стал 1968 год для историописания?

Сегодня, спустя пятьдесят лет поразительным представляется многообразие мнений по поводу смысла этих событий. Политологи Ф. Бенетон и Ж. Тушар **еще в 1970 г.** насчитали более 120 книг, посвященных Маю 68, не считая журнальных статей и специальных выпусков. Известный историк П. Нора за обилие трактовок и комментариев называл Май 1968 во Франции «событием-монстром». Версия революционного характера этих событий во Франции особенно выражена была в первое десятилетие после событий, но до сих пор присутствует во французской историографии. Пример двух архетипичных подходов к французскому «Маю 1968» наглядно представлен в своеобразной «дискусии» крупных историков – Жана-Франсуа Сиринелли и Франсуа Досса.

Если говорить об историографии в более широком смысле, то на волне 1968 года происходило переформатирование социальной истории, что вполне отражало персональные и коллективные левые пристрастия влиятельной части историков того периода. Социальная история всегда была социальна, в смысле чувствительности к низам, не случайно один из ее основных маркеров 'history from below'. Когда социальная история утверждалась в 1950-е гг., она оперировала материалистическим представлением о социальной целостности и классовой структуре общества (классовой идентичности). Это представление к концу 1960-х годов было взорвано появлением «новых левых» и постколониальных движений и выразилось в становлении истории женщин, истории афроамериканцев, истории меньшинств и др.

5. Каково наследие 1968 года?

Об этом много уже говорили. Это утверждение иного взгляда на человека, общество и природу, и взгляд этот, в отличие от событий, маркированных как 1968, ни в коей мере не был ситуативным и преходящим. Наследие же оказалось, прежде всего, культурным (политическая культура соучастия в решении важнейших общественных вопросов, сексуальная революция, установка на индивидуализм, новое искусство, осознание самостоятельной роли молодежи, и пр.).